

Писатель Альберт Лиханов: Мне жаль, что я не был услышан



Фото: Владимир Федоренко / РИА Новости

В воскресенье, 13 сентября, 85 лет исполнилось Альберту Лиханову, писателю и председателю Российского детского фонда. Его визитными карточками давно стали книги, вышедшие миллионными тиражами и переведенные на 150 языков, а еще, без преувеличения, великие дела, совершенные фондом за 33 года существования. В преддверии юбилея мы поговорили с Альбертом Анатольевичем о том, как меняется мир. Этот разговор продолжает рубрику «Зеркало для героя».

– А пойдем-те ка в баню! – улыбается Лиханов и указывает на дорожку, что вьется по склону от его дачи к небольшому строению. Как отказаться от такого предложения: не каждый день тебе предложит провести время в таком месте такой человек! Смеемся в два голоса. Конечно, речь не о парной – тут, в «баньке», в отдалении от всех, писатель работает. Комнатка, книги, документы, вкусно пахнет старым деревом...

– Альберт Анатольевич, я прекрасно помню вас в период создания фонда. А ведь аналогов-то не было, был только Фонд мира, как вы решились?

– Был еще прямо перед нами созданный Фонд культуры,

справедливости ради говоря. Да, сейчас много благотворительных организаций и фондов, и открыть фонд просто – достаточно трех человек и нескольких юридических процедур. Но я считаю, что это издевательство над самим понятием благотворительность и не более чем открытие возможности для людей недобросовестных кого-то обмануть. От этого репутация приличных организаций страдает. В нашей стране, именно в нашей, это должно быть только публичным образованием. Что касается начала этой истории, то я не так прост, каким иногда кажусь, и прежде чем заниматься основанием фонда, внимательно изучал опыт работы благотворительных организаций в мире. В то время я по своим общественным обязанностям после смерти Агнии Львовны Барто был президентом Ассоциации деятелей литературы и искусства детей и юношества ССОДа, Союза советских обществ дружбы и культурной связи с народами зарубежных стран. Его представительства были во всех странах, мы устраивали массу мероприятий и активно контактировали с иностранными организациями, общались с неформальными лидерами разных стран.

К нам с огромным интересом относились американцы, японцы и французы: их интересовала идея художественного развития и воспитания наших детей. Американцы поразились, что у нас книги выходили миллионными тиражами, а выпускники школ были фактически равны по уровню знаний русской классической литературы и основных произведений литературы мировой, обращали внимание на то, что в школах было рисование, которое ныне почти отовсюду ушло, хотя это был один из признаков дополнительной образованности и развития человека. Они набирались опыта у нас, мы – у них.

– Американцы и французы – пожалуй, понятно. Но у японцев иная ментальность, зачем мы им?

– Все так, но тем не менее! Тут процесс был иным – скажем так, их ментальность частично переходила к нам. Мы много общались, и я был поражен, как просто и логично устроена, скажем, их светская буддистская организация «Сока Гаккай» и как много она делает для стариков и детей. Там все создано на добровольной,

благотворительной основе и является собой организованное и могущественное гражданское общество. Во многих странах благотворительность вообще зовется третьим сектором экономики. Так что я был «подкован», и схема организации работы мне была более-менее ясна. В основу нашего фонда изначально были положены совесть, жажда служения страждущим детям.

Экономическая основа – добровольные пожертвования граждан и организаций. Вся история фонда – это история сбора, приумножения собранных средств и их рационального использования. Да, мне пришлось выступать на Президиуме Совмина СССР, и сам Николай Рыжков беседовал со мной три с лишним часа. Но к идее прониклись, народ понял, включился, все и получилось. Причем нам изначально дали статус ведомства СССР, приравняв должность председателя фонда к статусу министра СССР первой категории, так что со мной считались и старались помочь. По каждому крупному проекту принимались правительственные решения.

Скажем, после наших с Евгением Чазовым писем «наверх» были созданы бригады медиков, «медицинский десант», и мы три года подряд на средства фонда направляли их на 90 самых жарких дней в регионы Средней Азии и Казахстана. Их работа позволила сократить младенческую смертность в СССР на 16 процентов, а смертность детей второго года жизни – на пятьдесят пять! И все понимали, что наша организация никому не мешает, наоборот: мы ведь, не получая от государства никаких средств, занимались и занимаемся прямой помощью ему. И история всех наших программ всегда шла не просто попутно с государством, а рядом с его бедами. О том, что сделано за эти годы, говорят цифры. Есть чем отчитаться перед кем угодно.

– За время существования фонда изменились страна, люди, строй. Вы не могли знать, что так будет, но фонд сохранили. Сегодня часто говорят о деградации нравственной составляющей в обществе. Или ее все же нет?

– Да, я не понимал, что развалится Советский Союз и изменится

характер власти. Но этого не знал никто. Сегодня же... Да, «деграданс» существует. У нас ныне множество неких якобы гражданских устремлений, но они, на мой взгляд, не мотивированы глубокой внутренней убежденностью, никто не думает, какова конечная цель. Мы не знаем, ради чего живем. Можно, обращаясь к советскому периоду, осуждать цели того времени – равенство и все такое, но сегодня целей нет никаких, вот в чем беда. Разве что «дожить до большой зарплаты».

– Работать, чтобы семья не нуждалась – не цель?

– Нет. Это – путь. В русском целеполагании всегда было нечто более глубокое. Достиг самодостаточности? Помоги другому. Или даже помоги, когда ты ее еще не достиг. Помоги тому, кто беднее, в этом человечность! Не столкни с дороги стоящего на коленях, а помоги ему встать, поведи вперед. Это было в нас, а сейчас... Поражаюсь, как же быстро с нами расправились...

– Что вы имеете в виду? Внешние силы, поработавшие над подрывом нашей общности и устоев?

– Конечно. Ведь то, что сейчас происходит в Белоруссии, до этого было на Украине, а до того – у нас самих, со стрельбой по собственному парламенту, это не нашенских рук дело, я уверен. История с расстрелом Белого дома в столице нанесла стране колоссальный урон, этого не должно было случиться, что бы ни происходило между Ельциным и Хасбулатовым. Это непростимые вещи, но мы непременно доживем до времени, когда все эти события будут переоценены, как и многое другое, что ныне воспринимается без критического анализа. Знаете, что по-настоящему пугает? Пройдет совсем немного времени, и не останется никого, кто не просто участвовал бы в Великой войне, но хотя бы помнил ее. Это критическая точка, момент «икс» не только для нашей страны, но и для всего мира. Те, кто занимается у нас обеспечением идеологии нации, должны уже подходить к философскому анализу того, что может произойти, когда уйдет этот последний свидетель...

Ведь есть научное предположение, что всякая новая война начинается тогда, когда умирает последний свидетель войны предыдущей. Важно думать об этом заранее, и важно, чтобы эту проблему обнажала культура. Но все куда-то ушло... Даже союзы писателей превратились сегодня в многочисленные организации, которые мельтешат о чем-то своем, а в сущности просто никому не нужны. Атомизация общества, а она присутствует во многих областях жизни, может завершиться полным распадом. Мы беспечно и яростно сломали то, что должны были сохранить, обновить, осовременить, настроить на новый лад. Но не уничтожать.

– Вы о том, что в том опыте было много позитива?

– Сейчас, когда понадобились врачи, на них обратили внимание. Слава богу, хоть надбавки они получали, работая в пандемию. Но как много непоследовательного! Сначала уничтожили все ФАПы – фельдшерско-акушерские пункты в деревне, потом оказалось, что они нужны. Три составляющие оберегали наши деревни: ФАПы, малокомплектные школы и клуб. Все! А эти школы вообще основание русской цивилизации. Все наши классики вышли оттуда, от той первой сельской учительницы, что закладывала основы культуры и образования. Вся наша цивилизация вышла из деревни, которая ныне умирает! Это потом появились Белла Ахмадулина и Бродский, культура городская. Не поддерживается у нас понимание важности и ценности основополагающих вещей. Скажем, один из губернаторов некоторое время назад разработал проект деревенской малокомплектной школы: дом, в нем квартира для учительницы, два класса, в которых она работает параллельно. Проекту хода не дали: дорого! А стоимость-то его была – три миллиона рублей! Горько.

– Но при этом ваш фонд работает, и активно.

– Да, но проблемы, которые у нас есть, должны как будто бы решаться сами по себе. Мы ни копейки не получаем из бюджета, за средства, нам перечисленные, детально отчитываемся – ежегодно выпускаем по тому отчетности. Но в программу «1 рубль за 1 квадратный метр» никогда не попадали и платим

колоссальные суммы за аренду нашего помещения, которое сами реставрировали. Вложив в реставрацию этого памятника XVII века полмиллиарда заемных средств, мы потом долго возмещали банковский заем. Может ли благотворительная организация, оказывающая помощь огромному количеству детей, платить еще и миллион рублей в месяц аренды Министерству культуры? Ведь именно культуре помогая, мы восстановили нашу усадьбу, где вырос Федор Тютчев. Но оказались в дураках: сначала оплатили реставрацию, а теперь платим оброк все тому же прекрасно бездушному Минкульту! И суды обязывают нас исполнять эту рабскую долю. Не странно? Но странного вообще много. У фонда были и есть программы, приносившие реальные результаты. Мы не собирали деньги на какую-то конкретную операцию, что делается сейчас, но вкладывали средства в решение серьезных проблем. Когда собирают деньги на лечение за границей, хочется, чтобы послушали Лео Бокерию, который рассказал бы, что там эти операции делают его бывшие ученики и сотрудники, уехавшие за границу и ныне качающие деньги из наших граждан. Да, когда такие операции у нас делали ограниченно, мы прооперировали 880 детей в США. Но сейчас такая помощь доступна у нас, за счет государства.

Этого многие не понимают. Или вот, мы работаем и по программе «Звуки жизни», с глухими детишками. Кохлеарная имплантация, то есть внедрение в среднее ухо специального чипа, позволяет таким детям обрести слух, после чего с ними должны работать специалисты по речи, сурдологи. Мы обеспечиваем это, отработана программа социализации и адаптации таких детей. Или взять идею семейных детских домов... Я счастливый человек, меня жизнь сталкивала с массой интереснейших, светлых людей. Скажем, Татьяна Васильевна Сорокина сейчас взяла на воспитание 83-го ребенка! 83-го! Про их с мужем Михаилом Васильевичем, увы, недавно умершим, семейный детский дом было снято 14 фильмов! Занимаясь детьми-сиротами, мы поняли, что именно семейный, а не казенный детский дом может стать решением этой колоссальной проблемы. Таких семейных детдомов у нас было 368 5021 ребенок в них был выращен. Родители-воспитатели имели там

должность, получали зарплату и соцпакет. И эта модель себя оправдала. Но потом возникли приемные семьи – не хотели иметь в названии слова «Детский дом». Полностью продуманным действующий вариант я не назову. Соцпакета нет, люди берут детей на основе договора подряда, но это же не поросята на вырост... К Сорокиной же на день рождения приезжают уже полторы сотни гостей – возвращенные ею дети, уже со своими детьми, а то и внуками. Все устроены, росли в семье.

А ведь как Сорокины решали проблемы? Покупали брошенные халупы. И всей семьей строили вместо них небольшие дома. Ребенок вырастал – и получал жилье. В госсекторе же очередь на получение жилья идет не быстро. Вот, бьюсь, чтобы Татьяна Васильевна получила звание Героя Труда России... Так почему было не взять за основу эту модель, результат внедрения которой известен? Вот о чем болит душа.

– Болеете о молодом поколении...

– В жизни устроено так, что поколение само свое будущее планировать не может, если для этого не созданы предпосылки. Когда-то каждый завод имел свое профтехучилище, и это делало возможным качественную, мощную, вариативную систему подготовки рабочих кадров. Я знал, что едва ли не самое важное для сирот – дать им профобразование. Это путевка в жизнь.

– И было меньше сломанных судеб?

– Конечно. Этот путь от сиротства и одиночества к самостоятельности самый короткий и может быть обеспечен государством, которое о своих гражданах печется, и мы это проходили при советской власти, тут ее точно упрекнуть нельзя. Люди были под присмотром государства. Мой двоюродный дядя в войну окончил семь классов, пошел в техникум, работал, параллельно окончив десятилетку с золотой медалью, поступил в Менделеевский институт, стал потом военным химиком, получил за изобретения закрытую тогда Ленинскую премию. Судьба простого пацана! Такой вот демократизм карьеры.

– Сейчас это называют социальным лифтом.

– В лифт тоже, понимаете ли, не все сядут. А подъемная сила – это другое. Мне горько, что сегодня эта практика утрачивается в отношении детей-сирот. Льготы для них существуют, да. Но уже были попытки их отменить и приравнять их к другим выпускникам школы, слава богу, это остановил Путин. Как они могут на равных с другими поступать в вузы, если им не нанимали репетиторов? Никак. Что это была за инициатива? Скажем: идея превратить их в ничто! Хотя забота о них – государственная задача.

– Альберт Анатольевич, как человек, всю жизнь пишущий о детях и для детей, вы тоже думаете, что все закладывается в детстве?

– Спасибо, кстати, что не назвали меня детским писателем, без шуток. Я не детский писатель, а писатель, у которого главный герой – детство. Детство и старость – два края жизни. От детства человек следует к старости. И детство, и старость часто беспомощны, и им все мы должны сострадать и помогать. По самым масштабным меркам, все наше людское существование – это служение началу и концу жизни. Где-то тут, между началом и концом, пытаюсь быть и я как литератор и практический работник защиты детства, и я обязан представлять себе проблемы и тяготы этой жизни. Часто – одной-единственной. И да, я уверен, что все, что с нами происходит во взрослой жизни, заложено в детстве. Не обучен порядку и порядочности, слову, элементарным взаимоотношениям – все! Человек будет расти, но будет набивать шишки на лбу и наращивать свой отрицательный капитал, ломая свою судьбу. Человек должен быть терпеливым и мужественным, обязан понимать, что иные голы в жизни приходится пропускать, и не обязательно всегда он будет успешным. Все это обеспечивает та база, что была заложена изначально. Хотя ныне слово «успех» наполнилось иным смыслом, и я его не люблю. Это в конце жизни, если она прожита как нужно, аплодисменты скажут, успешен ты был или нет. Хотя и эти аплодисменты не всегда искренни, да и принадлежат только артистам...

– Тем не менее без комплиментов – вам есть чем гордиться. Это правда, объективная.

– Важно верить в свою идею и служить ей, не отступаясь. Пытался говорить и жить предельно правдиво. Что мои первые книги, что нынешние, всегда рассматривали ребенка не как предчеловека, а как человека, сформировавшегося на этот момент жизни. С ним происходят беды, он их преодолевает. И растет. В последнее время я опубликовал несколько романов о нашей современности. Так что пишу...

– А есть что-то такое, о чем вы жалеете?

– О том, что не был услышан. Или о том, что перестал быть слышен. О том, что не могу пробиться к президенту, хотя мне многое хотелось бы ему рассказать.

ДОСЬЕ

Альберт Лиханов – общественный деятель, публицист, автор книг для юношества, член Союза писателей России, академик РАО, президент Международной ассоциации детских фондов, председатель Российского детского фонда, директор НИИ детства. Писателем были основаны литературный клуб «Молодость», издательство «Дом», несколько журналов для детей и подростков. Открыл издательский, образовательный и культурный центр «Детство. Отрочество. Юность».

За 33 года работы фонда в 69 регионах России были созданы и работают его отделения, осуществляющие разработанные им общероссийские благотворительные программы. Лиханов награжден многочисленными наградами, в том числе орденом Трудового Красного Знамени, орденами «За заслуги перед Отечеством» III и IV степеней.

Ольга Кузьмина

**ВЕЧЕРНЯЯ
МОСКВА**